

научная статья
УДК: 32+325.8+930.85
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.11

Геоидентичность и структура региона Центральной Азии в контексте бифуркационной истории (к постановке вопроса историографического анализа)

Лу Фэн ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия.

✉ boker809260921@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0002-9777-520X>

***Аннотация.** Предлагается обсудить сложную и изменчивую геополитическую идентичность региона Центральной Азии, который исторически служил важным мостом между восточными и западными цивилизациями, где часто происходила торговая деятельность и обмен информацией по траектории Шелкового пути. В исследовании анализируется состояние сосуществования «закрытости и связанности» стран Центральной Азии, а также посредническая роль, которую они играли в различные исторические периоды. С распадом Советского Союза пять государств Центральной Азии начали формировать новую структуру идентичности и внешнего восприятия, в связи с этим, автором анализируется внутренняя структура региона и её динамика, включая: процесс российской экспансии; меняющиеся модели управления; административные и параллельные структуры, унаследованные центральноазиатскими государствами после распада Советского Союза. Исследование опирается на результаты, полученные при анализе источников в рамках цивилизационного подхода в аналитике центрально-азиатской идентичности, в сочетании с методами историко-сравнительного анализа. На основании результатов исследования автор предлагает гипотезу новых исторических нарративов и их влияния на построение национальных идентичностей в контексте плюралистического и многолинейного характера развития государств «Большой пятёрки», входящих в настоящее время в Содружество Независимых Государств.*

Ключевые слова: Центральная Азия; страны «Большой Пятёрки»; цивилизационный обмен; внутренняя структура региона; изменения в управлении; бифуркационная история; национальная идентичность; геоидентичность

Для цитирования: Лу Фэн. Геоидентичность и структура региона Центральной Азии в контексте истории бифуркаций (к постановке вопроса историографического анализа) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 4. С. 201–217. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.11.

© Лу Фэн, 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 32+325.8+930.85

DOI: 10.48612/RG/RGW.27.4.11

Central Asia's Geopolitical Identity and Structure in Context of Bifurcative History (to the Question of Historiographical Analysis)

Lu Feng ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ boker809260921@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0002-9777-520X>

Abstract. Discussion is offered on the complex and fluid geopolitical identity of the Central Asian region, which historically served as an important bridge between Eastern and Western civilizations, where trade activities and information exchange along the Silk Road trajectory often took place. The study analyzes the state of coexistence of “closedness and connectedness” of Central Asian countries and the mediating role they have played in different historical periods. With the collapse of the Soviet Union, the five Central Asian states began to form a new structure of identity and external perception; in this regard, the author analyzes the internal structure and its dynamics, including the process of Russian expansion; changing governance models; and the administrative and parallel structures inherited by the Central Asian states after the collapse of the Soviet Union. The study is based on the results obtained from the analysis of sources within the framework of the civilizational approach in the analysis of Central Asian identity, combined with the methods of historical-comparative analysis. Based on the results of the study, the author proposes a hypothesis of new historical narratives and their influence on the construction of national identities in the context of the pluralistic and multilineal nature of the development of the “Big Five” states that are currently part of the Commonwealth of Independent States.

Keywords: Central Asia; G5 countries civilizational exchange; internal structure; changes in governance; bifurcation history; national identity; geo-identity

For citation: Lu Feng. Central Asia's Geopolitical Identity and Structure in Context of Bifurcative History (to the Question of Historiographical Analysis). *Russia in the Global World*. 2024. T. 27. Iss. 4. P. 201–217. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.4.11.

© Lu Feng, 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:
5.5.1. История и теория политики

Введение

Центральная Азия расположена в центре Евразийского континента, это крупнейшая территория, которая давно играет важную роль в истории мировой культуры, являясь мостом между восточными и западными цивилизациями. «Это была важная зона оборота для торговой деятельности

и обмена информацией на знаменитом «Шелковом пути». Например, именно жители Центральной Азии переняли многие европейские изобретения и распространили их в Китае; и многие китайские изобретения также были привезены ими в Европу. Поэтому, если Индию и Китай можно включить в рамки всемирной истории, очевидно, что Центральную Азию следует рассматривать таким же образом» [1].

В современной ситуации, этот регион снова стал ареной для великих игр мировых держав. С распадом Советского Союза и обретением независимости пятью центральноазиатскими государствами (Большая Пятёрка), Центральная Азия, включающая Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан, начинают формировать новые рамки собственной идентичности и внешнего восприятия, тем самым обозначается новая эпоха для будущего развития региона.

В определении границ субрегиона до сих пор не выработана единая точка зрения. По мнению энциклопедии Британника, не существует различий в понимании терминов «Средняя Азия» и «Центральная Азия». Оба понятия трактуются как «Central Asia»: регион включает в себя Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Туркмению и Таджикистан¹.

Согласно определению АНО Института исследований Центральной Азии (г. Казань), Центральная Азия – регион, охватывающий территорию пяти стран: Казахстана, Кыргызской Республики, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Указанная точка зрения² не соответствует определению региона согласно определению ЮНЕСКО, предполагающее объединение всей территории Монголии, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, Афганистана, а также северных

---

¹ Центральная Азия // РУВИКИ. Новая российская интернет-энциклопедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%90%D0%B7%D0%B8%D1%8F#:~:text=%D0%9F%D0%BE%20%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D0%AE%D0%9D%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%9E%2C%20%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%20%D0%B2%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B0%D0%B5%D1%82,%2C%20%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BE%2D%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%83%D1%8E%20%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%98%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B0. (дата обращения: 13.10.2024).

² Страны Центральной Азии // Институт исследований Центральной Азии: [сайт]. URL: <https://central-asia.institute/centr-asia-countries/>. (дата обращения: 13.10.2024)

территорий Ирана, Индии и Пакистана, восточной части Китая и юга России³.

Центрально-Азиатский регион, являющийся каналом обмена между Востоком и Западом на Евразийском континенте, исторически известен тем, что в нем нет стабильной политической структуры, глубокого исторического наследия и четко определенной этнической структуры. Из-за этой турбулентности и изменчивости, вероятно, странам Центральной Азии было трудно сформировать целостную идентичность в ходе цивилизационной истории. Поэтому регион часто рассматривался как «периферийная зона» в истории соседних цивилизаций. Однако в этой сложной и изменчивой геополитической обстановке Центральная Азия играла важнейшую посредническую роль, которая имела циклический характер, постоянно меняясь по мере того, как могущество соседних цивилизаций то возрастало, то ослабевало.

С точки зрения эпистемологии, Центральная Азия – это и увлекательный объект изучения, привлекающий внимание историков и современных политиков, и сложная «черная дыра знаний», нарушающая имеющиеся у людей представления об этом регионе. Единственная определенность в этой «стране неопределенности» – это меняющийся внутренний порядок и размытость внешних границ. Эта уникальная региональная идентичность не только предоставляет богатый материал для академических исследований, но и дает широкое пространство для углубленного изучения истории и реальности Центральной Азии [2].

Современная модель сформировала базовое понимание состояния Центральной Азии в рамках евразийских представлений [3], которая является основной моделью восприятия Центральной Азии на общественном уровне [4]. В фокусе предлагаемого исследования – проблема определения геоидентичности государств региона (стран СНГ) в контексте историко-социальной динамики. Исследование опирается на результаты, полученные при анализе исторических источников,

---

³ Центральная Азия // Алтай-Гид: [сайт]. URL: <https://www.altai-guide.ru/articles/4781/#:~:text=%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8B%20%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%90%D0%B7%D0%B8%D0%B8%2C%20%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%D0%B5%20%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BB%D0%B0,%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%8F%20%D0%B8%20%D1%8E%D0%B3%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8>. (дата обращения: 13.10.2024).

государственных заявлений и инициатив в рамках цивилизационного подхода в сочетании с методами историко-сравнительного анализа объекта исследования – центрально-азиатской идентичности. Основываясь на результатах своего исследования, автор выдвигает гипотезу о появлении новых исторических нарративов и их роли в формировании национальных идентичностей в условиях плюралистического и многолинейного развития государств «Большой пятёрки», ныне входящих в Содружество Независимых Государств.

Исходя из этого, мы должны ответить на несколько вопросов, связанных с геоидентичностью: Что такое Центральная Азия? Чем Центральная Азия не является? Что будет с Центральной Азией в перспективе?

Материалы и результаты исследования

Термин «Центральная Азия» в различных концепциях

Термин «Центральная Азия» ввёл в 1841 г. немецкий географ и путешественник Александр Гумбольдт, которым была обозначена внутренняя часть Азиатского материка, между Каспийским морем на западе и довольно неопределённой границей на востоке. Фердинанд Рихтгофен разделил регион на две части: Центральная Азия охватывала пространство от Тибета на юге до Алтая на севере; от Памира на западе до Хингана на восток. Дискуссии вокруг терминов «Срединная Азия», «Средняя Азия», «Центральная Азия» в рамках геополитических и исторических исследований показывают актуальность проблемы термина и в современных концепциях понимания и роли региона [5].

Очень важно рассмотреть позиции не только исследователей Запада, но и исследователей Востока. С исторической и географической точки зрения Центральная Азия в историческом видении древних китайских династий, является обширным легендарным западным регионом, который был важным дополнением к основному повествованию о «Срединном царстве» в последующих поколениях исследователей китайской официальной истории. Богатство или недостаток этих территорий стали важным маркером того, были ли это официальные повествования и связанные с ними великие династии, или нет.

С другой стороны, Центральная Азия является частью восточного мира, которого когда-то коснулись александрийские экспедиции греческой цивилизации, но долгое время эти территории оставались плохо

изученными, и в таком восприятии стали частью пространства древнего степного Шелкового пути [2; 5; 6]. Знаменитый древнегреческий историк Геродот в своем монументальном труде «История» так описал обстановку в Центральной Азии: «До того места, где обитают эти лысые люди, эта часть земли и народы, живущие по ту сторону ее, хорошо нам известны. Ведь среди скифов есть те, кто путешествовал к ним, и у них нетрудно что-нибудь разузнать. Также можно узнать у греков в торговом порту Полисфена и других торговых портах на Черном море. Скифы и туземцы, отправлявшиеся к ним, общались с ними через семь переводчиков и на семи языках» [6, с. 110]. Геродотом описана «дорога скифов», путешествующих на восток вокруг Каспийского и Аральского морей, представлен западный маршрут северной части Шелкового пути, по которому в доханьский период двигались караваны с Востока на Запад.

В XIX–XX вв. Центральная Азия стала регионом внутренней Азии, где Россия и Британия соперничали друг с другом, что оказывало влияние на политическую и военную ситуацию на восточной и западной окраине Евразийского континента. Ведущий исследователь истории Центральной Азии в России и в Советском Союзе, академик В. Бартольд (также известный как Балторид – *прим. автора*), в своей книге «Краткая история Центральной Азии» (1920) отмечал: «В XIX веке, когда Европа окончательно утвердила свое культурное лидерство, Центральная Азия, как самая удаленная от Европы часть исламизированной Азии, вновь уступала другим исламским странам в культурном развитии... До прихода России в Центральной Азии не было печати, ни литографической, ни подвижного типа, в то время как в Турции и Персии печать существовала уже давно. В Турции и Персии европейское влияние присутствовало в государственной и общественной жизни уже в XVIII веке, тогда как Центральная Азия в этом отношении оставалась полностью средневековой» [7, с. 97].

В XX веке регион называли как «советской Центральной, или Средней Азией», так и впоследствии странами «Большой пятёрки» – независимыми современными государствами: Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и Таджикистаном [1], т.е. в рамках предложенных концептов Энциклопедии Британника и Института исследований Центральной Азии, не совпадающих с более широким определением региона, предложенным ЮНЕСКО (см выше).

Таким образом, современное понимание Центральной Азии с точки зрения ряда общественных и научно-исследовательских организаций – это регион культурно-экологического симбиоза, прошедший через несколько этапов изменений; регион, который связан с мощью соседних цивилизаций и государств; регион, который мы не можем полностью обойти стороной, когда думаем о развитии наших собственных обществ и цивилизаций [3]. В частности, когда мы размышляем об исторической миграции народов и взаимодействии между китайскими династиями и кочевыми силами Севера (военные экспансии хунну, монголов и т.п.), мы осознаем важную внешнюю роль, которую сыграла Центральная Азия в этих процессах.

Перспективы развития Центральной Азии

Интересно, что, хотя Центральная Азия была частью колониальной имперской системы России не больше, чем Британская Индия, историческая Центральная Азия изменила уникальным образом историю Индии и Южной Азии, в целом. Ярким примером этого процесса является империя Великих Моголов и ее основатель Бабур. Как отмечает известный востоковед С.Э. Лейн-Пул «Бабур был мостом между Центральной Азией и Индией, между кочевниками, жившими за счет грабежей, и имперским правительством, между Тимуром и Акбаром. В его жилах текла кровь двух великих владык Азии, Чингисхана и Тимура, он соединил воспитание и мягкость персов с храбростью и хорошим настроением кочевников-татар. Он принес бодрость монголов, храбрость и умение турок... Сам он был удачливым воином, а не строителем империи, однако именно он заложил первый камень в фундамент великолепного здания, возведенного его внуком Акбаром» [8]. Эта региональная связь, сформированная через ассоциацию конкретных фигур с империями, обеспечивает основу и возможность для размышлений о будущем преобразовании Центральной Азии.

Как отмечает Карл Шмитт, Первая мировая война и ее последствия определили ход развития мира в XX веке: «В предыдущие века именно европейские конференции определяли пространственный порядок мира, но на Парижской мирной конференции 1918–1919 годов впервые все перевернулось: именно мир определил пространственный порядок Европы, что означало, что была предпринята попытка создать новый порядок для Европы... Под эгидой Лиги Наций Всемирная конференция навязала перераспределение земель на европейском континенте» [7]. После этого

европейский порядок претендовал на определение мировых рамок и уточнение геополитические роли отдельных государств.

Однако, по мере развития мировой политики и геополитические изменения последнего времени отводят Центральной Азии новую роль. Внутренние регионы Евразии, «в силу отсутствия выхода к морю и непроницаемости морской мощи, должны были стать центральными зонами мировой политики... Центральная Азия могла функционировать только на основе своей привязанности к России (Советскому Союзу). Но после того, как Советский Союз распался, Центральная Азия оказалась перед новым выбором. «Стать ли частью так называемой «турецкой сферы влияния»; остаться под влиянием России; искать «экстерриториальную» державу, такую как США, в качестве опоры для своей сбалансированной дипломатии; или формировать новые добрососедские отношения с соседними странами, такими как Китай, Индия, Иран и т. д.» [9, с. 141].

Динамика внутренней структуры региона

XX век стал настоящим театром мировой истории и полем новой геополитической практики, временем формирования общего мирового порядка сегодняшнего дня, оказав уникальное влияние на внутреннюю структуру регионов.

Процесс российской экспансии в XIX–XX вв. был не только расширением ее имперской структуры в регионе, но и процессом развития и закрепления концепции российской границы в новом историческом и экологическом пространстве Центральной Азии. С хронологической точки зрения, включение Центральной Азии в российскую геополитическую и экономическую практику стало важным этапом в развитии российской концепции границы. Именно в противостоянии с «варварами» на Востоке постепенно сформировалась ее собственная отличительная «пограничная природа», а в собственном самоописании Россия сама стала барьером между Европой и Азией [10]. Азиатские ханства устремлялись к границам России, стучались в «ворота Европы», но «мрачные стражники без церемоний отгоняли непрощенных гостей. Шибчаки, башкиры, калмыки и киргизы, один за другим, спотыкались перед неприступной мощью русского народа. Русский народ не только освободил себя, но и избавил Европу от ужасов вторжения варварских татарских армий, подобных армиям Аттилы и Батыя» [8].

Исторически постепенное завоевание казахской степи Россией началось с подавления режимов казахских ханств: Средний, Малый и Большой Джузы были покорены в 1822, 1824 и 1848 годах, соответственно. «Установление царской власти в казахской степи было медленным и целенаправленным процессом. Петербургское правительство не предоставило казахам статуса подданных, и они оставались «инородцами» (инородцами, аллогенами)» [2]. Вначале центральноазиатская политика России была более лояльной и заключалась в сохранении местного общественного строя: «Внутренняя политика царя в Центральной Азии заключалась в обеспечении дальнейшего правления путем поддержания мира и порядка в регионе при возможно меньшем вмешательстве в местные обычаи и образ жизни. Но затем хлопок, избыток земли и рыночный спрос изменили прежнюю политику России в Центральной Азии» [11].

С принятием в 1822 г. «Положения о западносибирских киргизах», Россия начала планомерную реструктуризацию сложившейся политической системы в Центральной Азии, которая началась со Среднего Джуза, чьи территории Россия включила в состав периферийных районов Омской губернии под непосредственным управлением генерал-губернатора Сибири [4].

С постепенным присоединением Центральной (Средней) Азии в XIX – начале XX вв. Россия создала степные наместничества на севере Центральной Азии с резиденцией в Омске и Туркестанское наместничество в южных оазисах с резиденцией в Ташкенте, таким образом, установив модель управления «северная степь + южный оазис». С точки зрения экологической и политической ситуации в регионе, эта модель управления принимала различные формы организации, основывалась на распределении географических ресурсов (климат, земельные и водные ресурсы), но ее структура «север – юг» оставалась неизменной. В целом, эта модель административного управления оставалась вплоть до начала XX в., Россия установила контроль над регионом с преимущественно аграрной экономической структурой региона и связанным с ней распределением населения и групп. В этой модели «север – юг», Ферганская долина (современный Узбекистан) долгое время была экономически, демографически, исторически и культурно доминирующей, в силу своего исторически сложившегося социально-экономического развития.

В период между Февральской и Октябрьской революциями в центральноазиатских обществах усилилось чувство субъектности. В результате внутренних событий в России Советское Правительство постепенно взяло власть в свои руки и в последующие годы разработало новый дискурс «равенства» в рамках общей политической практики и системы управления СССР, тем самым, изменив исторически сложившуюся южно-центристскую структуру на политическом, экономическом и социальном уровнях. Северный степной регион с Казахстаном постепенно стал северным центром новой структуры и в значительной степени изменил способы, с помощью которых страны Центральной Азии демонстрируют свою историю и понимают свои границы, что отражает сайт организации [12].

В августе 1993 г. пять получивших независимость центральноазиатских государств подписали декларацию, в которой еще раз подтвердили принцип сохранения существующих границ между ними [2]. Исходя из этого, страны Центральной Азии, защищая свои национальные интересы, стремились разрешить пограничные споры с соседними государствами, но продвижение к конкретному решению было медленным в силу исторического характера проблемы и той роли, которую играл регион как инструмент политической мобилизации в строительстве собственных национальных государств. После распада Советского Союза, государства Центральной Азии унаследовали административные структуры, созданные в советский период, и продолжали сохранять существующие границы, разделяя принцип «ненарушенных границ». Эта «параллельная» структура центральноазиатских государств, сформированная в советской политике на основе принципа равенства, перешла в «наследство» после распада СССР и стала своего рода базовым консенсусом в последующем строительстве национальной идентичности государств.

Гражданская идентичность стран основана на национальной и территориально-цивилизационной идентичности. В Центральной Азии этническая принадлежность тесно связана с гражданской идентичностью, особенно у казахов и кыргызов, где она становится важной основой их самоощущения. Граждане Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана постепенно формируют гражданское самосознание с самобытным характером, как коренных народов – наследников древних цивилизаций Центральной Азии. (например, в городах Ферганской долины, в Бухаре,

Самарканде и других городах). Например, таджики, проживающие в Узбекистане и узбеки в Таджикистане [7], или в Казахстане и Кыргызстане, обладают собственной устойчивой идентичностью, которая глубоко укоренена в традиционных территориях. Узбеки, в частности, обладают чувством гражданской идентичности, которое находится под сильным влиянием институтов старых центральноазиатских государств и заметно отличаются от идентичности жителей соседних стран, что стало потенциальным фактором в пограничных конфликтах между новыми независимыми государствами Центральной Азии (пример: территориальные конфликты между Узбекистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном в Ферганской долине) [13].

Эта сложность развития стран с точки зрения их границ и пограничных структур не только влияет на взаимоотношения между центральноазиатскими государствами на уровне реальной политики, но и представлена на уровне соответствующих новых исторических нарративов.

Дискуссия:

«Большая пятерка» в контексте бифуркационной истории

Бифуркационная история (Bifurcated History) – продукт исторических исследований в рамках постмодернистского течения, предложенный индийско-американским специалистом по истории Китая Ду Цзанын. Предложенная им гипотеза подчеркивает [14], что история не просто идет по прямой линии вперед, а распространяется во времени и пространстве. Исторические нарративы и дискурсы в процессе репрезентации прошлого собирают и впитывают распространяющуюся историю в соответствии с потребностями настоящего, тем самым раскрывая взаимодействие между реальностью и историей. «Раздвоенная (бифуркационная) история Центральной Азии» – это постмодернистская историографическая модель, которая объединяет теорию раздвоения в географических исследованиях и историографии, для анализа исторического развития Центральной Азии с плюралистической точки зрения.

Теория бифуркации подразумевает качественное изменение систем, в том числе и политических, в зависимости от изменения ее параметров, которые могут появляться в ходе развития социально-исторического процесса. Сложность внутренней территориальной структуры современной

Центральной Азии соответствует сложности нарративов стран как «исторического континуума». Двухлинейная, или бифуркационная история [8] стала ключевым моментом в создании исторического дискурса в странах Центральной Азии, что означает принципиальную смену единого нарратива истории региона, основанного на модели бывшего российско-советского пространства, что повлекло развитие конкуренции между историческими нарративами стран Центральной Азии. Знание и понимание концепций и исторически сложившихся стилей стран «Большой пятерки» поможет нам лучше понять ориентацию и направления развития стран региона в настоящем и будущем.

Например, Республика Казахстан является крупнейшей страной современной Центральной Азии. Исторический нарратив Казахстана в советский период был подчинен общей структуре советской истории и представлен следующими четырьмя шаблонными способами (моделями развития):

1. Объединение Казахстана с Россией было целью, к которой стремились выдающиеся и дальновидные правители казахского народа с конца XVI века.

2. Союз Казахстана с Россией предотвратил порабощение казахов другими государствами и привел их к тесной связи с государством, которое было «более цивилизованным», чем любой из азиатских соседей.

3. Присоединение Казахстана к России предотвратило раздел региона соседними странами и открыло путь к его переходу в более прогрессивную экономическую форму.

К 1992 г., после распада Советского Союза, президент Н. Назарбаев в «Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства» [7] указывал на огромную роль исторических факторов в строительстве Казахского государства, утверждал, что существующие границы Казахстана – это территории этнических племен, которые были расселены в более поздний период истории и контролировали всю территорию Казахстана [9].

Кроме того, он отмечал, что независимое государство – это не подарок для казахов, а их историческая родина. Власти будут использовать все средства для обеспечения целостности и неприкосновенности единого государства. Это можно рассматривать как важное заявление Казахстана о его

национальном позиционировании в период нестабильности. Эта философия, отраженная в собственном национальном историческом нарративе Казахстана, проявляется в отказе от рамок советской эпохи и начале позиционирования себя как одного из центров евразийского исторического движения. «... Евразийская степь, как часть Центральной Азии, была самостоятельной цивилизационной единицей, отдельной от цивилизаций Желтой реки и Дуная. Евразийская степная цивилизация сочетает в себе культурные особенности всех эпох и регионов ... мира, и во все периоды в ней существовал ряд очень активных этнических центров, люди, которые распространялись и мигрировали во всех направлениях, подобно котлу с кипящей водой, которая то закипает, то выплескивается, преображая в конечном итоге облик всего континента... Казахстан всегда находился в центре этих нерегулярных миграционных движений в Евразии» [8].

С когнитивной точки зрения этот нарратив заслуживает внимания, поскольку он создает новый «исторический континуум» вне установленных рамок. В настоящее время, когда целью является поиск «исторического континуума», формирование чувства национальности и историчности стало основополагающим элементом в строительстве центральноазиатских национальных идентичностей. Однако эта цель требует компромисса между историей и реальностью, поскольку всегда существовало несоответствие между имперской славой и исторической памятью, которую пытаются обрести сами страны, и реальностью советской демаркации границ.

В действительности страны современной Центральной Азии не могут быть связаны с реальными границами региона, а «эксклюзивные» и «разрезанные», или разрушенные нарративы истории центральноазиатских государств и их имперские воображения не могут быть полностью реализованы в отношениях в настоящее время. Поэтому, вероятно, что еще долгое время «разделение» и «переплетение» на основе «двулинейной», или «бифуркационной» истории будет основной ситуацией в отношениях стран Центральной Азии, в том числе с использованием данных исторических карт и их реальными границами.

Вероятно, что в будущем строительство национальных государств в странах Центральной Азии будет длительным процессом. В то же время, это процесс конструирования новой идентичности, отличной от советской.

Поскольку страны Центральной Азии имеют разные основания для конструирования своей национально-гражданской идентичности, процесс, интенсивность и способ продвижения национального государства будет индивидуальным в каждой стране, и, соответственно, написание «исторического континуума» представляется вариабельным.

В частности, «множество нитей» подразумевает не только множественность, но и сложность исторического развития. В Центральной Азии, благодаря ее особому географическому положению, исторической роли моста между восточной и западной культурами, и потому влиянию самых разных цивилизаций и сил. Эти влияния могут накладываться друг на друга во времени и переплетаться в пространстве, создавая, таким образом, сложную и разнообразную историческую картину.

Заключение

Цитируя слова бывшего президента Казахстана, Н. Назарбаева о том, что «хотя Центральная Азия не имеет выхода к морю, у нас есть два океана – Китай и Россия, и это наши лучшие океаны, если только будет открыто сухопутное сообщение» [2], мы можем понять сложную связь между географической идентичностью, внутренней структурой и историей сложных линий, которые демонстрирует регион Центральной Азии. Именно в контексте таких структурных сдвигов расширяется и углубляется картина и перспектива нашего восприятия Центральной Азии в новых геополитических концепциях.

Российские исследователи считают, что евразийская интеграция может укрепить экономические связи между странами Центральной Азии и Россией, способствовать свободному движению товаров, капитала и людей в регионе, а значит, стимулировать экономическое развитие стран Центральной Азии. Однако российские ученые понимают, что процесс евразийской интеграции сталкивается со многими проблемами, такими как геополитическая сложность и большие экономические различия. Поэтому они подчеркивают, что для достижения экономического процветания и политической стабильности странам Центральной Азии необходимо активно участвовать в процессе региональной интеграции, сохраняя при этом свою и государственную независимость и идентичность [3].

С точки зрения китайских исследователей, евразийская интеграция играет важную роль для стран Центральной Азии. Она не только

способствует экономическому сотрудничеству между этими странами и соседними государствами, такими как Россия и Китай, но и стимулирует быстрое развитие внутри региональной торговли, инвестиций и строительства инфраструктуры [14].

По мнению автора, евразийская интеграция может способствовать повышению статуса и влияния стран Центральной Азии на международной арене и оказать мощную поддержку их экономическому развитию и политической стабильности. В перспективе, с углубленным согласованием инициативы «Пояс и путь» с задачами и практикой Евразийского экономического союза, страны Центральной Азии получают больше возможностей для развития, чтобы достичь устойчивого экономического процветания и долгосрочной социальной стабильности. Центральная Азия, как важная часть Евразийского континента, имеет большие перспективы на будущее, но перед ней также стоит множество проблем. Только укрепляя внутреннее сотрудничество и добиваясь общего развития, Центральная Азия сможет противостоять волнам глобализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галазова С.С. Региональная идентичность экономического пространства // Экономика и управление. 2014. № 6 (115). С. 64–69.
2. Лу Бин 陆兵. Чжунго юй чжунъя у го синь диюань чжэнчжи 中国与中亚五国新地缘政治 [Китай и новая геополитика пяти государств Центральной Азии] // И дай и лу шу цзюй ку — 一带一路数据库 [База данных «Пояса и пути»]. [сайт]. URL: <https://www.ydylcn.com/zjgd/332955.shtml> (дата обращения: 09.06.2024).
3. Акаев А.А., Кефели И.Ф. Проекты и реалии формирования Большого евразийского пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 10–25.
4. Си Цзиньпин 习近平. Цзай ташигань уззыбекэ сытань цзуйгао хуэйи лифаюань дэ яньцзян 在塔什干乌兹别克斯坦最高会议立法院的演讲 [Выступление в Законодательной палате Верховного Совета Узбекистана в Ташкенте]. 23.06.2016 // Синьхуа тунсюньшэ 新华通讯社 [Информационное агентство Синьхуа]: [сайт]. URL: https://news.cnr.cn/native/gd/20160623/t20160623_522473078.shtml (дата обращения: 11.10.2024).
5. Бураев А.И. К вопросу о применении термина «Центральная Азия» в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2011. №8. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-primeneni-termina-tsentralnaya-aziya-v-istoricheskikh-issledovaniyah> (дата обращения: 12.10.2024).
6. Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1991. 440 с.
7. Назарбаев Н. Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства, 16 мая 1992 года [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30006969 (дата обращения: 09.10.2024).

8. Юань Цзянь 袁剑. Чжунъя дицзюй вэньхуа ичань баоху лиши сяньчжуан цзи тэчжи 中亚地区文化遗产保护: 历史、现状及特质 [Сохранение культурного наследия в Центральной Азии: история, состояние и особенности] // Го бе цзюйюй шуцзюй пинтай 国别区域数据平台 [Региональные платформы данных по конкретным странам]: [сайт]. URL: <https://www.crggcn.com/articleDetail?parentName=%25E4%25B8%25AD%25E4%25BA%259A%25E5%258=73741028> (дата обращения: 11.06.2024).
9. Zhang, L., Huo, J. One Belt, One Road and Investment Risk in the Context of Institutional Change // *Economic Integration and Development in Asia*. 2020. P. 137–157.
10. Акматалиева А.М. Инициатива «Один пояс-один путь» в Центральной Азии // Сравнительная политика. 2018. №4. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/initsiativa-odin-royas-odin-put-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 09.11.2024).
11. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М.: Научный эксперт, 2016. 130 с. [эл. доступ]. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/8b8/111-avtor-logo-CHINA2-01.pdf> (дата обращения: 09.06.2024).
12. Members of the Silk Road Caucus. Congressional Silk Road Caucus. [сайт]. URL: <https://srcic.org/silk-road-members/>. (accessed: 20.05.2024).
13. Олимова С., Олимов М. Конфликты на границах в Ферганской долине: новые причины, новые участники // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 1. С. 21–40.
14. Чжан Гуанда 张广达, Яньцзю Чжунъя ши ди дэ жумэнь шу хэ цанькао шу 研究中亚史地的入门书和参考书 [Вводно-справочный справочник для изучения истории и географии Средней Азии]. [эл. доступ]. URL: <https://www.docin.com/p-1111941712.html> (дата обращения: 13.10.2024).

REFERENCES

1. Galazova S.S. Regionalnaya identichnost ekonomicheskogo prostranstva [Regional Identity of Economic Space]. *Ekonomika i upravleniye*. 2014. № 6 (115). P. 64–69 (In Russian).
2. Lu Bin 陆兵. Chzhun go yuy chzhunya u go sin di yuan chzhen chzhi 中国与中亚五国新地缘政治 [New Geopolitics between China and Five Central Asian Countries]. *Yi da yi lu shu ju ku* 一带一路数据库 [Belt and Road Database] Available at <https://www.ydylcn.com/zjgd/332955.shtml> (accessed: 09.06.2024) (In Chinese).
3. Akayev A.A., Kefeli I.F. Projekty i realii formirovaniya Bolshogo yevraziyskogo prostranstva [Projects and Realities of the Formation of the Greater Eurasian Space]. *Yevraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. 2024. T. 18. № 2. P. 10–25. (In Russian).
4. Xi Jinping 习近平. Zai tashengan wuzhibieke sitan zuigao huiyi lifayuan de yanjiang 在塔什干乌兹别克斯坦最高会议立法院的演讲 [Speech at the Legislative Chamber of the Supreme Council of Uzbekistan in Tashkent]. 23.06.2016. *Xinhua tongxunshe* 新华通讯社 [Xinhua News Agency]. Available at https://news.cnr.cn/native/gd/20160623/t20160623_522473078.shtml (accessed: 11.10.2024). (In Chinese).
5. Burayev A.I. K voprosu o primenenii termina «Tsentralnaya Aziya» v istoricheskikh issledovaniyakh [On the issue of using the term “Central Asia” in historical research]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija*. 2011. № 8. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-primenenii-termina-tsentralnaya-aziya-v-istoricheskikh-issledovaniyah> (accessed: 12.10.2024) (In Russian).

6. Frolov E.D. *Fakel Prometeya. Ocherki antichnoy obshchestvennoy mysli* [The Torch of Prometheus. Essays on Ancient Social Thought]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta. 1991. 440 p. (In Russian).
7. Nazarbayev N. *Strategii stanovleniya i razvitiya Kazakhstana kak suverenogo gosudarstva 16 maya 1992 goda* [Strategy for the Establishment and Development of Kazakhstan as a Sovereign state, 16 May 1992]. Available at https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30006969 (accessed: 09.10.2024) (In Russian).
8. Yuan Tszyan 袁剑. *Chzhun ya ditsyuy venkhua ichan baokhu lishi syanchzhuan tshi techzhi* 中亚地区文化遗产保护: 历史、现状及特质 [Cultural Heritage Protection in Central Asia: History, Current Situation and Characteristics]. *Go be tsyuyuy shutszyuy pintay* 国别区域数据平台 [National and Regional Data Platform]. Available at <https://www.crgcn.com/articleDetail?parentName=%25E4%25B8%25AD%25E4%25BA%259A%25E5%258=73741028> (accessed: 11.06.2024) (In Chinese).
9. Zhang, L., Huo, J. One Belt, One Road and Investment Risk in the Context of Institutional Change. *Economic Integration and Development in Asia*. 2020. P. 137–157.
10. Akmatalieva A.M. *Iniciativa «Odin poyas-odin put'» v Central'noj Azii* [The "One-belt-one way" initiative in Central Asia] *Sravnitel'naya politika*. 2018. № 4. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/initsiativa-odin-poyas-odin-put-v-tsentralnoy-azii> (accessed: 09.11.2024). (in Russian).
11. *Kitayskiy globalnyy proyekt dlya Yevrazii: postanovka zadachi (analiticheskiy doklad)* [China's Global Project for Eurasia: Statement of the Problem (Analytical Report)]. M.: Nauchnyy ekspert, 2016. 130 p. Available at <https://mgimo.ru/upload/iblock/8b8/111-avtorlogo-CHINA2-01.pdf> (accessed: 09.06.2024). (In Russian).
12. *Members of the Silk Road Caucus. Congressional Silk Road Caucus.* [elektronnyy resur]. <https://srcic.org/silk-road-members/>. (accessed: 20.05.2024).
13. Olimova S., Olimov M. *Konflikty na granitsakh v Ferganskoy doline: novyye prichiny, novyye uchastniki* [Border Conflicts in the Fergana Valley: New Causes, New Participants]. *Rossiya i novyye gosudarstva Yevrazii*, 2017. № 1. P. 21–40. (In Russian).
14. Chzhan Guanda 张广达, *Yantszyu chzhun ya shi di de zhumen shu khe tsankao shu* 研究中亚史地的入门书和参考书 [An Introductory and Reference Book for Studying the History and Geography of Central Asia]. Available at <https://www.docin.com/p-1111941712.html> (accessed: 13.10.2024) (In Chinese).

Сведения об авторах / Information about authors

Лу Фэн – аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: boker809260921@gmail.com; ORCID: 0009-0002-9777-520X

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Lu Feng – Graduate of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: boker809260921@gmail.com; ORCID: 0009-0002-9777-520X

The author declares no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024.
Одобрена после рецензирования 20.11.2024.
Принята 22.11.2024.

Received 16.10.2024.
Approved after reviewing 20.11.2024.
Accepted 22.11.2024.